

В Крыму сейчас мертвый сезон, но он манит меня.

Необузданность моих стремлений, становящихся по весне болезненными, вступает в противоречие со всей кое-как отлаженной за зиму жизнью. Отлаженной, однако, настолько неумело, настолько для отвода глаз (и синоним ей — видимость, иллюзия), что стоит лишь подуть теплоту, вовсе даже и не крымскому ветерку, во мне сперва тихонечко, потом почти отчаянно начинают звенеть струны каких-то гитар, проводов, душ.

Крым манит меня. Романтизм, скроенный из полупрозрачных-полупризрачных образов прошлого, бередающих душу в зимние вечера лучше вина и камин, переходит в самую не-сносную ипостась: в истерию, скрытую от посторонних глаз так же неумело, как и шероховатости жизни.

Случайно узнаю, что любимая с детства сказка о царе Салтане снималась в Судак! И уже не могу оторвать глаз от профиля Алчака на экране, словно от могилы близкого человека!

Крым сам же и остужает мои несносные порывы к близости. В прошлом году по ранней китебской весне он окатил меня ледяной волной за то, что я, уподобясь Дон Гуану, изволившему статуэтку Командора, вызвала море не на поединок, но на свидание: "Приди же, — говорила я, — ну приди!" А волны все не приближались к берегу и не приближались. Потом враз накинута на меня и схлынула прочь, обрызгав с ног до головы. Чтобы не повадно было дразниться.

Зачем я еду по весне в Крым? Зачем искашаю море? В преддверии какой-то желанной тайны, однажды открывшейся мне летом? В ожидании некоего действия, только лишь готовящегося, едва просвечивающегося через плотно задвинутый занавес? Мне еще воздастся за неумное любопытство колючим, как битое стекло, дождем!

Обычно, приезжая в Крым в конце июля, днем после изнурительно сухой дороги я не в меру сил и привычек подставляю себя живой воде крымского порвейна и, не дожидаясь начала магического его действия, иду на набережную. Раздеваюсь и вхожу в соленое пространство. В зеленый космос, равновеликий перед лицами всех богов. Я медленно иду вперед, и раскаленное солнце толкает меня в глубину, губительную для не умеющего плавать человека. И я иду, не выбирая и не разбирая дороги, то есть волн и дна, а плечи начинают предательски гореть, предвещая нездоровую, горячую ночь.

Несколько лет подряд мне удается благополучно дожить до того летнего дня, который знаменует соединение грезы и реаль-

Натэла МЕСХИ

Тайны спят

Или делают вид, что умерли

ОПЫТЫ

ности, словно веры и причастия: то, что накануне в поезде казалось фантазией, бурно расцветавшей воспоминаниями, оборачивается простейшей правдой: вот он, остров Крым! Указатель с названием места сулит начало действия, бесконечного во времени, — череду розовых, желтых, серых, малиновых, оранжевых закатов и столько же рас-

светов, цвет которых ты непреодолимо про-сыпашь. Сладострастную и стройную песню цикад, крошечный мрак ночи, не спасаемый даже звездным небосклоном. И с утра до утра не проходящая ошарашенности. Отдыхающие в Крыму летом немного не в себе. Конечно, не все. А избранные, сумевшие вкусить здесь чего-то большего, чем массандровский порвейн и удачная погода. Набредшие на какой-то секрет, о существовании которого они и не догадывались. С помощью его, неизвестного ранее, ни умом, ни сердцем даже, ни кожей, а каждой одной миллионной атома, составляющего человеческую жизнь, обретаешь подлинный ее смысл. Высочайший. Светлейший. Делая грань между природой и тобой незримой, а может, и вовсе не существующей. Великое волшебство, данное в ощущении всего на мгновение и тут же заслонившее все прошлое. За его ненадобностью. Вкусив единожды каплю рая, становишься жадным. Крохотная капля настоящей жизни — самая сладкая и жестокая отравка на свете. Кому она выпадает и за что, грех это или утешение? Никто не знает и никто про это не думает. Но только Крым полнится своими невольниками, идущими навстречу друг другу, обретающими друг друга, узнающими друг друга, словно по им одним видимому свету. А потом они стоят по весне на холодном еще берегу, выпрашивая у моря хоть капельку того счастья и не боясь быть отвергнутыми.

С такими людьми нормальному, неотравленному курортнику общаться не стоит — они пугают его и делают суеверным. Он начинает чувствовать дискомфорт и боли в желудке. Но, не желая быть чужаком, обходит их, бредущих на встречу друг с другом, за километры и уезжает с ощущением того, что Крым — место дешевое для отдыха, но странноватое. Лечебница душ, душелечебница...

Всеми этими чудакостями подробностями можно отпугнуть от Крыма навсегда. Особенно тех, кому в нормальной жизни есть что терять — семью, работу и так далее. Мне — нечего. И я опять отправляюсь в Крым. Когда-то писала: "за теньями чужого прошлого", теперь прихвастну: за теньями собственного.

Еду по весне, зная, что в это время года ничего еще там со мной не произойдет, но еду. Как бы на разведку. Как бы пытаюсь приблизиться к плотно задернутому занавесу, за которым готовится неизведанное действие. Может, удастся услышать ноту, взятую цикадой?

Еду в Крым в мертвый сезон. Тайны спят или делают вид, что умерли.

Олег Владимирович СЕВЕРЮГИНА

1998

СУБСТОЯТЕЛЬНОСТВА МЕСТА,

ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ

Мы успели на поезд?

Спасибо членам ГКЧП: они подарили мне три светлых дня и три ночи.

Днем 20 августа в центре Москвы под дождем стояли танки. Уже целые сутки. Я спросила у одного из танкистов: "Чего тебе больше всего хочется?" — "Есть", — ответил он, не раздумывая.

В двух шагах грязные военные машины выглядели не столь ужасающе, как из окон домов. Скорее они казались нелепыми. Солдаты, окопавшиеся возле танков, все, как один, были голодны. Про военный переворот они как будто даже и не слышали.

"Тогда чего вы тут делаете?" Они замаялись. Однако довольно решительно заявили, что стрелять в своих не намерены. «А если приказ?» — «Все равно!» И в доказательство предложили мне посидеть с ними на танке, демонстрируя единство армии и народа, а также пощипать собола батон белого хлеба, купленный мной по дороге в центр. «Ага, — говорили они, — народ нас кормит!»

Со стороны наша военно-гражданская тусовка выглядела, должно быть, странно. Потому что ближе к вечеру мои новые знакомые в случае оперативного приказа могли вернуть свои танки против меня и тех, кто был на Пушкинской. Вряд ли бы они припомнили мой батон.

Возле дома на набережной такие же мальчишки сосредоточенно копошились около «оборонительных сооружений». В ход шел всякий хлам. «Видели защитников, — крикнули где-то в толпе, — отрываю доски от заборов и собираются идти в рукопашную на танки. Говорят: погибнем за Отечество!»

«Дураки, — подумала я, — такие же мальчишки, как и те, что на Пушкинской. Только у тех танки, у этих палки». «А ты чего больше всего хочешь?» — спросила у защитника Белого дома, несущего на баррикаду свою дубинку. Парень, оказывается, тоже хотел есть. «А выстоим?» — «Авось, выстоим».

Голод! Не он ли признак самого здорового из

человеческих желаний — желания жить? Из-за голода, может, и не состоялась эта кровавая схватка друг с другом. Мальчишки против мальчишек не пошли. Ведь это сытый голодному не товарищ, а голодный голодному? И Белый дом устоял. И в эту ночь (как мне рассказывали), и в следующую (а это я видела уже сама) Александр Рудкой, вынося из «осажденного» нами дома пакеты с продуктами, кормил всех стоящих под трехцветным российским флагом и легкомысленно-головокружительным девизом «Авось, выстоим». Мы ели из первых рук своей собственной, законно избранной власти. И Ельцин несколько раз спускался вниз, дабы убедиться: ага, едят спасители Отечества!

Конечно, не в сервеляте дело. Признаться, и ГКЧП кое-что нам обещал подбросить. Но ведь еще за день до переворота мы с приятелем-журналистом из «ЭС» жаловались друг другу на то, что жизнь складывается как-то не так. Что скучно, писать не о чем. У шестидесятников хотя бы иллюзии были, а нам даже утратить нечего! Скучно. На самом деле настоящая зеленая тоска навалилась 19 августа. «Это конец», — сказала моя мама. Она помнила, как в 53-м арестовывали моего дедушку, ее отца. А в одном присутственном месте, где я громкогласно окрестила временное правительство «ублюдками», мне велели заткнуться, закрыть поплотнее дверь и не болтать по телефону.

И я подумала: кошмар, опять ходить на демонстрации с портретами и говорить, оглядываясь по сторонам. Это нам-то, «разболтавшимся» за шесть лет, так что умолкать нет никаких сил. Тоска хуже, чем страх. От нее-то с батонком белого хлеба я отправилась общаться с солдатами, отговаривать их стрелять. Первое, что пришло в голову.

Теперь многие говорят: молодежь лихачила сверх меры. Рокеры и металлисты носились по темному Садовому кольцу, наплевав на комендантский час, и высматривали: нет ли

вблизи танков. Впрочем, по словам тех же многих, молодым и терять-то нечего. Нечего, разве только что свою жизнь. Илья Кричевскому, видимо, тоже, кроме жизни, терять было нечего. И он вышел к танкам. Впрочем, теперь весь мир знает, как погиб Илья Кричевский — мой сосед по даче.

Голод и тоска вдруг явили любовь к Отечеству. Целых два дня «ЭС» работал в подпольных условиях: печатали листовки, ходили на заседание фронта демократической печати, наспех сформированного в здании «Литературки», прозванивались даже в Белый дом. Интересовались: все ли у них в порядке, не нужна ли реальная помощь. Это не приподнявшаяся попытка прихвастнуть. Просто за три дня и за три ночи мы вдруг поняли, что любим Россию! Нет, нет, это не эпатаж — это правда.

«А что, до этого не знали?» — спросил у меня Мстислав Ростропович в последнюю баррикадную ночь, когда мы пили с ним водку из забытой кем-то фляжки. — Напрасно, это замечательное чувство!»

Елена Боннэр в своем телеинтервью сказала: «Наш поезд ушел, когда стреляли в Тбилиси, а нам казалось — это далеко. Наш поезд ушел, когда убивали в Вильнюсе. Нам снова казалось — это не у нас. Теперь вот Москва».

Мне кажется, мы все-таки успели на этот поезд: в последнюю секунду вскочили на подножку и проехали целую остановку.

Сегодня уже говорят: хватит об этом. Пора разбирать баррикады и строить что-то другое. Но безмерно хочется вспоминать. Потому как в те три дня под дождливым московским небом было ясно: кто свой, кто чужой и что кому надо, и кто что может сделать. А теперь? Вновь по ЦТ сессии и съезды. Мне опять становится скучно. Но вылезать из поезда уже неохота.

Натэла МЕСХИ.

Окончание на стр. 16